

Юрий Яковлевич Курик

Капкан для мэра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11829184

ISBN 978-5-4474-1868-7

Аннотация

Супружеская чета Лужайкина-Буторкиной – идеальная крепкая пара. По административным возможностям мэра Лужайкина как по крепкому болту ходит финансовая гайка его супруги – генерального директора «Интертрейдкорпорейшен» Буторкиной. Прибыль выжималась всюду. Казалось, счастья нет конца. Но грянули очередные выборы мэра. В ход пошли закулисные приёмы конкурентной борьбы... Кто победит в этой схватке, читатель узнает на последних страницах книги.

Содержание

Предисловие. Синекура	5
Глава 1. Мэр и его город	9
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Капкан для мэра

Юрий Яковлевич Курик

© Юрий Яковлевич Курик, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Предисловие. Синекура

«Еврейский народ дал миру Иисуса Христа из Назарета и отдельно народам России – Халяву.

Первоначально Халява обозначала кринку молока и кусок хлеба, выставленные за порог еврейского дома. Любой голодный мог бесплатно их взять. По истечению времени первоначальный смысл Халявы, как подаяния, пропал во тьме веков.

В России сладкое слово Халява прижилось, поменяло смысл и укоренилось в жизни россиянина до уровня голубой мечты – родиться с Халявой во рту, прожить с ней долгую счастливую жизнь и помереть с нею, родимую.

Какая она современная Халява? Твёрдая? Квадратная? Параллелепипедом? Пастообразная? Жидкая? Может быть перпендикулярная?

Халява многогранна и многообразна! У неё есть первородная отличительная черта – она бесплатна.

Неожиданное наследство – Халява. Передали сдачу в магазине – Халява. Нашёл кошелёк – Халява. Пришёл голодным, накормили – Халява. Пришёл раздетым, одели – Халява.

В России кроме рабочих, крестьян, интеллигенции, сформировался ещё один класс – Халявщики. Подельщики бесплатного.

Представителей нижнего слоя класса Халявщиков желающие могут увидеть на любой продовольственной выставке. Участники выставки для популяризации своего товара, бренда, устраивают в течение 2–3 дней работы, постоянно действующие дегустационные столы. Посетители выставочных павильонов могут бесплатно попробовать тот или иной продукт.

С момента открытия выставки и до её закрытия, стаи Халявщиков снуют от стенда к стенду и пробуют с глубокомысленным видом всё, что доступно для их ручонок: хлеб 50 сортов, семечки, водку, подсолнечное масло, халву, селедку, марципаны, чипсы, конфеты, муку и так далее по списку всего ассортимента выставки. Не важно, что попробовать, главное – на халяву.

Бомжи, день и ночь, перебирающие на помойках мусор, вылавливают из него всё, что можно превратить в деньги. Они не Халявщики. Они зарабатывают свой тяжкий кусок хлеба.

У Халявщиков аллергия на любой труд. За бесплатным сыром они лезут даже в мышеловку.

Чиновники совершили открытие всех времён и народов. Они изобрели для личного пользования Синекуру.

Товарищ Ожегов в своём словаре толкует это слово, как «Хорошо оплачиваемая должность, не требующая большого труда».

Именно поэтому элита халявщиков не бродит по выстав-

кам. Крохи бесплатной дегустации не в её стиле и вкусе. Чиновники сидят по кабинетам, каждый на своей Синекуре и на халяву гребут большие деньги из народного кармана.

Россия проиграла необъявленную войну с племенем Чиновников. Они из незаметных «серых мышек» в сатиновых нарукавниках вымахали в Золотую Орду, под игом которой, задыхается российский народ.

Главный чиновник страны вынужден признать, что лишним чиновникам – халявщикам выплачивается дань в 42 миллиарда рублей. Прибавьте к этой сумме откаты, взятки и ещё N-е количество невыявленных лишних чиновников. Смело можно говорить, что чиновничья Халява, дань Золотой Орде, оценивается в 200 миллиардов!

Эдакая прорва денег, пущенная на создание материальной базы внешкольного, школьного разностороннего воспитания детей, окупилась бы сторицей, когда выросшие дети займут свои рабочие места у станков, на капитанском мостике, у штурвала комбайна, в кабине самолёта, у руля страны.

Летом 2010 года Россию охватил большой пожар, выгорали десятки сёл и деревень. На их месте споро начали строить новые – коттеджи, с дорогами, коммуникациями. Любо дорого посмотреть! В пору пожалеть, что не выгорела остальная Россия.

Очистить страну от чиновничьей Халявы может только Большой Административный Пожар, после которого быть чиновником в России в любой должности должно быть ре-

ально опасно для жизни. Как разведчику в тылу врага. Шаг в сторону – расстрел! Из хозяина жизни чиновник должен занять своё законное место – слуги народа!

Глава 1. Мэр и его город

Юрий Петрович Лужайкин полновластный хозяин большого Города. Он мэр со всеми обязательными по чину прибамбасами. Без них чиновник и не человек совсем. Так – НИКТО и звать НИКАК. Например, запусти Юрия Петровича без прибамбасов в общественную баню, как простого слесаря. Форменный конфуз произойдёт! Каким, таким образом, целого мэра большого Города среди прочих голых выделить? Не ставить же ему для отличия на правую полухопицу красную печатку, а его подчинённым клеркам на левую полухопицу синюю и помельче.

Конечно, не ахти какой оригинальный, но всё же выход из патового положения. Так можно было бы всех чиновников проштемпелевать и переписать, чтобы знать численное их поголовье, и сколько корма им на год запасать. Но, беда, наши чиновники по общественным баням не шастают. Толи они опасаются испачкаться об любимый электорат, или боятся, что тазиками зашибут и кипятком окатят в знак горячей благодарности за их неустанную заботу о повышении благосостояния собственного народа, на службе у которого и состоят. Поэтому-то чиновничье семя ещё с допетровских времён окружило себя любимых системой прибамбасов. Глядя на них, мужики с бабами не путаются, да и меж самих чиновников порядок и чиноуважение согласно набору прибам-

басов.

Юрий Петрович был не только мэром большого Города, но в первую очередь он был чиновником. Потомственным чиновником. В генеалогическом древе семейства Лужайкиных-Боссель-Ляпустинских первым чиновником рода был думный дьяк Ванька Босяк. Он ещё при царе Петре Алексеевиче поскрипывал гусиным пёрышком, готовя справочки, влияя на мнение своего начальника. С него и пошла династическая линия чиновников семейства Лужайкиных, чем Юрий Петрович в душе тайно гордился. Шутка ли, его прямой предок, столоначальник тайного приказа Фома Гордеич Босяк-Ляпустинский служил ещё при Екатерине, затем сын его единокровный начальствовал над тем же столом, сменил его внук Алексей Алексеевич.

Человеку пустому все чиновники безлики, бедны, как церковные мыши. Это товарищ Гоголь со своей «Шинелью» ввёл народ в заблуждение. Юрий Петрович знал, что чиновничье племя состоит сплошь из народа умного, твёрдого и упрямого. За свои кровные прибабасы порвёт в клочья хошь царя, хошь президента.

К примеру, Пётр I, царь-император всея Руси, был нравом, ох как крутоват! Самолично рвал боярам не только бороды, но и бошки собственноручно сносил. Не мог победить чиновников Первопрестольной. Не хватило силушки. Плюнул в сердцах на Москву и всех московских чинодралов и построил себе новую столицу, и с новыми людьми начал пе-

реустроить Россию.

В 1917 году матросики-большевики сдуру турнули чиновников со своих мест, как чуждый элемент, паразитирующий на потном теле пролетариата, и сразу намертво встала государственная машина. Полное отсутствие масла в голове у матросни и кухарок, не позволило им встать у штурвала государственного корабля.

Вернее сказать, встать-то они, в порядке самовыдвижения, встали, но катастрофа с кораблекрушением наступила бы раньше, чем они всё растащили и вволю постреляли. Одно слово – бандитское племя и к чиновничьему делу не приспособлены. Во избежание краха пришлось чиновников на старые насиженные места возвертать и самим мал-мала грамотёшки у них нахвататься. Новые, идейно выверенные чиновники с нахрапистой пролетарской решимостью окружили себя партийно-социальными прибабасами и чужеземными благами цивилизации.

КПСС, не к ночи будь помянута, в мгновение ока превратилась в неприкасаемую касту партсоцчиновников, в разы превышающую количество чиновников в царской России, и создало государство чиновников внутри страны. Со своими законами, финансами, карательными органами, прессой и ТВ. Взаимосвязь и взаимовыручка среди них были на таком высоком уровне, что «Коза Ностра» в полном составе должна была удавиться от зависти.

Однако, законы философии, даже чиновников не могут

обойти. Количество обязано когда-то всё-таки превратиться в качество. Количество чиновников всех мастей, окрасок, рангов достигло такой гигантской цифры, что монстр в образе СССР и КПСС рухнули и перешли в новое качество. Рухнуть-то они, к радости всех, рухнули, но чиновники-то при этом не вымерли, как динозавры.

Те из них, кому не достались при вселенском расхватывании не самой бедной страны – СССР нефтяных вышек, заводов и пароходов не ринулись дружно в шахтные забои, не встали к мартеновским печам, не поливали праведным потом пашню родной страны, а резво начали самовзаимотрудоустраиваться через депутатство, создание новых министерств, департаментов, комиссий и подкомиссий. Восстановились, как сфинкс, как сказочная птица Феникс из пепла, не только прежние чиновники. Они размножаются в геометрической прогрессии бесконтрольно и готовые уже сожрать родину-мать их породившую.

Юрий Петрович, несмотря на то, что был плоть от плоти отборным чиновником, можно сказать, заслуженный чиновник России, проблемами своих собратьев по чиновничьему классу в масштабах всей страны мозги себе не заморачивал. В свои 50 с небольшим лет он производил впечатление хорошо обкатанной речной гальки и состоял из одних округлостей так, что даже любопытному глазу решительно было не за что уцепиться: круглая лысая голова с прижатыми пельменями ушей, круглые пороссячи глаза, нос картошкой, гу-

бы куриной жопкой, большой валун живота, задница, висят в штанах, как два арбуза и десять упитанных сарделек, торчащих из рукавов пиджака. И слова, которые он извергал из куриной жопки, были такие же круглые, незаметные. Они цеплялись друг за друга, образуя, на первый взгляд значительные фразы, но как бы их не переставляли, смысла не появлялось. Вернее сказать: значительность присутствовала, а собственного Юрия Петровича Лужайкина суждения, не было. Было только мнение вышестоящее. Это не дефект мышления господина Лужайкина, а результат партийно-чиновничьей, аппаратной селекции, которую Юрий Петрович прошёл в совдеповские времена.

Покойный папаша Юрия Петровича – Пётр Ильич, инструктор обкома КПСС, определил своего юного отпрыска сразу после окончания школы разнорабочим в строительномонтажное управление № 13.

Через месяц ударного труда Юрий Петрович, со свеженабитыми мозолями, был единогласно избран освобождённым секретарём комсомольской организации. Скоротечный брак Юрия Петровича с лопатой и киркой был расторгнут навсегда, и далее по жизни он тяжелее ложки и собственного хрена ничего в руках не держал.

Под неусыпным доглядом папашки, карьера Юрия Петровича понеслась хорошей рысью. Крах советской власти, развал СССР под бездарным правлением КПСС прервал его чётко выверенный полёт к вершинам власти в должности

первого секретаря городского комитета комсомола. Для нынешнего поповского поколения незнакомого со словом «Комсомолец» поясню – это скаут переросток или ещё недоразвитый коммунист, с хорошей перспективой занять своё место у корыта советской власти.

Наступило смутное и тревожное время. Голод и гражданская война казались неизбежны. Юрий Петрович, честно говоря, растерялся в этом бушующем море социальных страстей. Зато покойный папашка под шумок сумел вывезти из подконтрольной ему базы обкома КПСС, практически весь запас алкоголя. Здравомысляя, мол неизвестна судьба «рубля», а жидкая валюта в России во все времена конвертируема в любые товары и услуги.

Вскоре грянула «ваучеризация» всей страны. Рабоче-крестьянский люд, привыкший к кухонно-соседской «экономике» от получки до раздачи долгов, воспринял ваучеры, как трамвайные билеты. Обкомовский алкоголь Лужайкиных закономерно превратился в туго набитые ваучерами чемоданы. На них, уже при деятельном участии самого Юрия Петровича, успешно приватизировали: роскошный дом отдыха горкома ВЛКСМ на берегу озера Лесное вместе с озером и 360-ю гектарами леса-сосняка; птицефабрика на 1000 голов несушек, строительно-монтажное управление № 13 по остаточной стоимости, вместе с тяжёлой и лёгкой техникой, оборудованием, автотранспортом. Войдя во вкус, они купили ещё пару чемоданов ваучеров, обратив их в канал

на местном ТВ и городскую молодёжную «Молодогвардеец» вместе с типографией. Всё это было оформлено на супругу Юрия Петровича и послужило основой для возникновения холдинга «Интертрейдкорпорейшен» во главе с генеральным директором Софьей Николаевной Лужайкиной-Буторкиной, особой во всех измерениях весьма замечательной, а в некоторых местах весьма выдающейся настолько, нуждается в отдельной главе. Тем более, сейчас, право слово, даже как-то неудобно прерывать разговор о мэре города.

Дело в том, что Юрий Петрович Лужайкин именно сейчас стартовал. Рванул так резво, что его арбузоподобные полужопицы угрожали на крутых виражах оторваться от своего хозяина и, совсем уж не по чину, зажить отдельной, быть может, даже более счастливой жизнью. Юрий Петрович бежал предвыборный марафон. В пятый раз за свою чиновничью жизнь. И каждый раз от разных партий. От того и возникала суетливая неуверенность. Четыре раза он выигрывал выборные кампании. И каждый раз, как хороший артист, Юрий Петрович испытывал ужасный мандраж: вдруг не выберут?

При этой мысли его прошибал холодный пот, и он с утренней энергией метался между своим электоратом, на ходу меняя каску метростроевца на халат врача или передник детсадовской няни.

Пока господин Лужайкин со страстью юной нимфоманки окучивает электоральный огород, убеждая всех вокруг, что апостол Пётр его школьный друган и ключи от райских

врат у Юрия Петровича уже в кармане, и он готов во главе стройных колонн горожан двинуться к избирательным урнам и сразу от них в светлое, шоколадное будущее, мы совершим небольшой исторический экскурс в историческое прошлое Города...

Современные обыватели о царских временах не имеют никаких знаний. То, что идеологи коммунистов впихивали в сознание советских граждан с ясельного возраста, не имело ничего общего с исторической правдой.

Во-первых, в царские, сатраповские времена в губернии, где расположен Город, крупного рогатого скота было в два раза больше, чем жителей во всём федеральном округе.

Во-вторых, прасолы Города торговали своим мясом, мясными изделиями, деликатесами в Первопрестольной, Питере, Гамбурге, Париже, Лондоне. Об импорте китайского либо Аргентинского мяса не помышляли. Своё не знали куда деть, кому продать.

В-третьих, на каждого реально работающего в царские времена, приходилось 0,01 % писаря и в 6 раз меньше столначальников, 0,002 околоточного и других жандармских чинов. Налог составлял десятину (10 %).

В-четвёртых, при Романове простому народу жилось так хреново, что на каждом русском солдате была надета смушковая шапка (чистый каракуль!). Пайку царского солдата может позавидовать современный боец.

В 1917 году крутые пацаны во главе с истинно русским

немецко-еврейско-башкирского происхождения, развернули народы России в правильном направлении и погнали гуртом в светлое будущее, где призрак коммунизма ошалело уже бродил по Европе. На этом историческом пути возникла национальная забава: «Пристрели ближнего», не можешь, то, хотя бы «ПОСАДИ».

В связи с этим печально-трагическим расстрельным этапом истории Российской, доктор экономических наук, профессор Городского Университета, большой адепт Соловьёва и Карамзина, Марк Исаакович Баден-Баденский на вопрос зелёных студийцов:

– Куда в России подевались Ломоносовы и Менделеевы? – отвечал грустной байкой:

– Представьте себе, молодые люди, у некоего фермера было огромное стадо отличных коров. Каждый год он наиболее упитанных, более удоиных, плодовитых, отправляет под нож мясника на скотобойню. И так он поступал на протяжении более 70-ти лет. Теперь вы сами должны понять, какого качества стадо он получил в итоге. Мы с вами и есть это стадо. Все наши Ломоносовы и Менделеевы, вместе с остальными Эйнштейнами, руками большевиков – коммунистов, кинуты в горнило гражданской войны, репрессий, в молох отечественной войны, втоптаны в лагерную пыль на архипелаге ГУЛАГ. Верные ленинцы изнасиловали огромную страну, физически уничтожили цвет и гордость его народа, изуродовали экономику, промышленность.

Зайдите в любой российский магазин от пролива Лаперуза до Калининграда и найдите десяток отечественных товаров. Тщетно. Везде импорт. В основном китайский.

Родной, отечественный производитель сдох, ещё не родившись, в утробе Родины-матери. Доморощенные демократы обложили родного предпринимателя такой данью, что налоговая система ордынца, товарища Чингисхана, и 300 лет, так называемого татаро-монгольского ига, уже воспринимается, как благо, режим покровительства.

Глобальных мыслей о судьбах российского предпринимательства в голове у Юрия Петровича не было в принципе, Подобные интеллигентские изыски его не интересовали. Россия представлялась ему огромной титькой, утыканной миллионом сосков, к которым жадно прилипали братья чиновники. Родной электорат, безмолвствуя, в поте лица под тяжестью налогов, поборов, мздоимства, тягот и лишений повседневной жизни, день и ночь наполняют титьку чем-то особенно вкусным, а чиновники сосут её круглосучно без перерыва на обед и свидания с унитазом. Они, боясь оторваться от сосков, гадят друг на друга – на головы, в карманы, за пазуху, в ОБЭП, ФСБ, СМИ, любовницам, жёнам. Многие не выдерживали свалившегося на них дерьма, и сами сваливаются в гущу электората. К освободившемуся соску рвутся, не щадя живота ни своего, ни чужого, голодные своры новых голодных чиновников. Это и была личная война Юрия Петровича против всех за свой персональный

сосок – кресло мэра Города.

Первым мэром Города в постсоветский период стал некто Павел Сергеевич Никоноркин. Неплохой мужик, умеренный выпивоха и рьяный кухонный борец с советским тоталитаризмом. Во времена всевластия КПСС и КГБ только на советских кухнях российские диссиденты, демократы и патриоты, все, от мала до велика, точно знали, ЧТО ДЕЛАТЬ и КТО ВИНОВАТ.

Между «Портвейном 777» и плавленым сырком «Мечта», в каждой семье на 1/6 части суши лежали рецепты счастья для простых советских людей.

На пьянящей волне неожиданно нагрянувшей, как понос, свободы и, захватывающий дух от безнаказанности борьбы с партократией, на общегородском стихийном митинге бывший слесарь-механик гвоздильной фабрики Павел Сергеевич Никоноркин, как последовательный и отважный борец явлениями советизма, был выдвинут группой поддержки (любителей-профессионалов, фанатов «Портвейна 777») в кандидаты мэра Города. Утвердили. Проголосовали, сложили ручки и стали ждать светлого будущего. Через месяц работы в новой должности мэра, Павел Сергеевич понял, что городское хозяйство, чем-то неуловимо отличается от гвоздильно-штамповочного аппарата, родившегося на берегах Невы ещё в 1938 году. Ещё через месяц Город начали топить канализационные воды. Мэр от безысходности запил по-чёрному. Был пойман собственной женой в собственном

кабинете, где он на мэрском столе предавался пороку с секретаршей Надей. Оба были биты. Павел Сергеевич с особым цинизмом – учрежденческой шваброй и в голом виде, был этапирован супругой домой по центральной улице Города.

Город хохотал. Утопал в дерьме, но хохотал. Скоро стало не до смеха. В дерьме стали захлёбываться. Выбрали Мэром Главного Сантехника, и не прогадали. Канализация заработала, как часы, но встал на прикол общественный транспорт, и исчезли с полок магазинов продукты питания.

Мэр унитазно-канализационной ориентации ушёл тихо, по английски, ни с кем не прощаясь, вместе с остатками городской казны.

Следующим мэром выдвинули доцента кафедры экономики и права УНИВЕРса, доктора экономических наук Марка Исааковича Баден-Баденского. Он в своей десятикилограммовой программе: «5 шагов к успеху» скрупулёзно и, что важно, грамотно расписал, ЧТО нужно делать. На свою беду, лишённый напрочь боевого опыта подковёрной борьбы настоящих, закалённых в бюрократически-аппаратных битвах бойцов-чиновников, абсолютно даже не догадывался, КАК великолепие своей научной мысли, претворить в серые будничные дела.

Господин Лужайкин всю сознательную аппаратную жизнь наоборот претворял в дела вышестоящее мнение, решение, идеи. Обрастал нужными знакомствами, связями, блатом. На своём последнем посту первого секретаря горкома

ВЛКСМ приобрёл довольно приличные навыки кукловода, дёргая за ниточки своих подчинённых. Сам при этом оставаясь партийно-номенклатурной марионеткой. Слава Богу, благодаря папашке, который перед своей кончиной, сумел таки прочистить, засранные коммунистическими лозунгами мозги своего отпрыска наставил на путь истинный:

– Юрок, – говорил он проникновенно-серьёзным голосом, – запомни, нас, коммунистов, было 19 миллионов действующих членов...

Юрий Петрович, сам один из 19 млн членов КПСС, особа не впечатлительная, но и он содрогнулся от ужаса, представив на миг сюрреалистическую картину: монстр с 19 млн членов денно и ночью трахает всю Россию...

– ...они никуда не делись, – продолжал папашка, – не испарились, не эмигрировали. Все они живы, здоровы. Желают вкусно кушать и сладко пить. Они, кирпичики рухнувшей системы. Других людей-кирпичиков, познавших сласть власти, в нашей стране нет. Любая партия, которая будет возникать в обозримом будущем, вынуждена будет использовать для своего партийного строительства, только этих людей. Других нет. Поэтому партия, хоть «Лига по защите тараканов», будет по сути КПСС. Конечно, без «СС» на конце, но «КП» непременно. Невозможно, сынок, из набора пазла «Братец Иванушка и сестрица Алёнушка» построить велосипед. Даже самый маленький. Как не тусуй колоду карт, под названием «Члены КПСС», нельзя получить партию, подо-

бие «ТОРИ» или любую другую, за плечами которой не одна сотня лет работы в условиях демократии и парламентаризма. Марксистский вывод таков: Юрок, скачками вперёд за членством в ЛЮБУЮ ПРАВЯЩУЮ партию и рубись за кресло мэра Города. Везде свои люди – помогут. Софьюшка, жена твоя любимая, должна трудиться, не покладая рук на ниве нарождающегося капитализма. Косить бабки.

Отцовский наказ оказался, кстати, и что ещё более важно, верным на 300 %.

Звезда Юрия Петровича взошла на политическом небосклоне Города в день его знакомства с профессором Баден-Баденским. Зная, понаслышке, об опусе учёного «5 шагов к успеху», он сделал свой первый в жизни самостоятельный шаг. На очередном митинге правдолюбов и правдуробов Юрий Петрович решительно, в мелкие клочья разорвал свой билет члена КПСС.

Во всю мощь своей глотки он через мегафон заявил всей толпе митингующих о своей тайной и давнишней ненависти к руководящей и направляющей силе народов СССР. «Руководили они», – говорил он, захлёбываясь от своей значительности, – «бездарно, преступно.

Народ мучили, убивали и по лагерям гнобили... Обидно то, что побеждённые в Великой Отечественной Войне от благополучной жизни с жиру бесятся, а победители от холода трясутся и от голода пухнут...».

Говорить, орать, благовестить, блажить, писать о недо-

статках, уродствах, преступлениях партийно-советской системы уже в те времена становилось хорошим тоном. Главное от души, даже если бездоказательно, то всё равно безнаказанно. Это как о покойнике: что ни говори, он всё равно в гробу не встанет и в рожу не плюнет. Покойнику всё равно, а имидж создаётся.

На присно памятном митинге под громовые овации было порвано, сожжено, втоптанно в свеженаделанную кучу дерьма, 210 билетов членов КПСС (205 штук, как позднее выяснилось, внуки стырили у своих бабушек, дедушек и отдавали активистам из правдорубов за пару пива «Жигулёвское» или один «Сникерс»), господин Лужайкин был замечен демократическим большинством Города. Заметили его и государственные чиновники, истинные держатели голосов избирателей: директора школ, предприятий, учреждений, командиры войсковых частей.

Кандидатура Лужайкина на пост мэра Города устраивала всех: «из бывших», предсказуем, управляем, не лишён здомства. Короче говоря, Юрий Петрович был из когорты своих. У него ещё задница не успела остыть от кресла первого секретаря горкома ВЛКСМ, и его можно было двигать в мэры. Над партийным билетом надругался, так это полная ерунда, блажь на потребу политического момента. В самом деле, нечего дурочку валять. Если КПСС умерла, так умерла. На хрен с билетом усопшей особы меж мирных граждан шагать. Правильно Петрович поступил, что билетик прилюдно

по ветру пустил. Некоторые из бывших втихушку свои билетки в унитазы побросали, а Петрович не убоился посмертного гнева вечно живого Ульянова-Ленина, и политические дивиденды заработал одним взмахом руки.

Историческая встреча господина Лужайкина и доцента Баден-Баденского состоялась днём в ресторане «Хитрованка». Залы ресторана блестели сталью сервировки и девственной пустотой. Золотая молодёжь и новые хозяева жизни отсыпались от ночного гульбища, а пролетариат с крестьянством, под угрозой тотального уничтожения ресторанными ценами, опохмелившись «Кавказской» палёнкой или отечественным стеклоочистителем (Сволочи! Куда заныкали «Шипр?») вяло изображали непосильные потуги самоотверженного труда.

В полном одиночестве господа Баден-Баденский и Юрий Петрович Лужайкин начали ритуальный «танец» знакомства. Они говорили ничего не значащие фразы, и, словно дворовые собаки принюхивались друг к другу, чтобы точно понять, кто из них кобель, а кто сучка.

Многовековой опыт выживания еврейского многострадального народа шевельнулся у Марка Исааковича где-то в районе гипофиза, метнулся к мозжечку и спинным мозгом профессор понял – пора отдаваться этому моложавому быв-

шему партийному функционеру. Он будет у него вожаком. Сам профессор уготовил себе удел альфа сучки, или лучше сказать, дойной коровы. Сытой и обутой.

Юрий Петрович, как опытный кукловод, мгновенно из общего образа профессора вычленил чёрные хлопчатобумажные носки в гармошку, выпирающие из стоптанных туфель, наручные часы «Победа», несомненный раритет, пиджачную пару, которую братья по соц-лагерю поставляли в СССР в качестве ритуальной одежды для усопших. Приценился ещё раз к фигуре Баден-Баденского и произнёс историческую фразу:

– Мы пойдём своим путём.

Они оба тогда не знали, что этот путь приведёт их к созданию в отдельно взятом городе общества чиновнико-аппаратного капитализма. Общества, состоящего исключительно из потребителей без намёка на производителей. Конечно, производители где-то там внизу были. Пыхтя и матерясь, они создавали добавочную стоимость товаров и услуг. Она финансовыми насосами перекачивалась по иерархическим трубам чиновников наверх. Поскольку насосы и трубопроводы были худы, как решето, то финансовые протечки-утечки были повсеместно. Чиновники латать их не спешили, а некоторые нетерпеливцы ещё новые дырки сверлили, меняли новые прокладки на старые. Боролись чиновники всех уровней с протечками-утечками в поте лица, ставя под эти капельки-копейки, струйки-рубли, струи-тысячи, реки-миллионы

тазы. Банки стеклянные и вновь созданные, ручки, запазухи, мешки. Не помогало. Вернее сказать, помогало, но только чиновникам. Они обложились благами цивилизации, как барбос блохами. Шейхи Арабских Эмиратов вставали в очередь на покупку российских чинов и постов. Они, Шейхи, не смотри что арабы, а не дураки. Знают, – нефть в Эмиратах завтра закончится, а терпение русского народа бесконечно.

Выслушав историческую фразу Юрия Петровича, Марк Исаакович пожевал губами, словно пробуя на вкус начало «своего пути», мотнул гривой седых волос и глубокомысленно ответил, так, на всякий случай:

– Да, конечно, – после некоторого замешательства нерешительно добавил, – может быть, некоторые мои сентенции помогут Вам на этом пути.

С этими словами он с придыханием выложил на стол 10 кг своих мыслей. На титульном листе красовалось «5 шагов к успеху».

Юрий Петрович сардельками своих пальцев нежно, как задницу своей жены Софьи Николаевны, погладил труд учёного и, глядя своими поросячьими глазками на профессора, спросил по-свойски:

– Марк Исаакович, дорогой мой человек! Поймите, ради бога, правильно. Ваш уникальный труд, наверняка, изложен высоким стилем маститого учёного.

С всякими там интегралами, дифференциалами, экстенсивными, интенсивными показателями и другими малопо-

нютными и совсем непонятными выражениями для моего простого народа. Избирателя, так сказать. Если я буду пользоваться вашими терминами, то рискую получить физическое замечание от моего электората в своё табло и зеро в избирательную урну. А посему, уважаемый, прошу изложить свои 5 шагов просто и, по возможности, короче.

Марк Исаакович на минуту задумался, отхлебнул из чашки чая (280 рублей чайник на три чашечки!) и медленно, видимо подбирая слова, начал:

– Отец исторической науки Геродот говорил, что за Понтом, то есть за Чёрным морем, живут скифы. Характеризовал он их, как племена воров и пьяниц.

Марк Исаакович вдруг закашлялся и тревожно посмотрел в глаза Юрия Петровича. Наконец, тяжело вздохнул и продолжил:

– Я не русофоб. Так Геродот думал и писал...

Юрий Петрович озаботился тревогой собеседника и поспешил его успокоить:

– Я с товарищем Геродотом в принципе согласен. Лично к Вам и к нему претензий не имею. Грешен мой народ. И воровством балуется издавна, и горькую пьёт. Вы не волнуйтесь и слов из песни не выкидывайте. Времена, знаете ли, уже другие, и говорить можно всё, так сказать, свобода мысли и слова! Плюрализм мнений и суждений. Продолжайте, уважаемый.

Облегчённо вздохнув, Марк Исаакович начал хорошо по-

ставленным голосом:

– Согласно мнениям российского историка Соловьёва, на ранних этапах развития Европы, более сильные племена, обладающие наиболее современными по тем временам орудиями труда и убийства, а значит владеющие наиболее продвинутыми технологиями и, как следствие, более грамотными спецами по обработке, были в социальном и военном отношении хорошо организованы. Они, естественно, вытесняли с плодородных земель и лесов, рек богатых дичью и рыбой слабые племена на восток, в менее обжитые и несравненно суровые по климату земли. Борьба за ресурсы была бескомпромиссной. Приходили новые сильные племена и ещё дальше на восток гнали неудачников. Пока те не оказались на территории России. Естественный историко-географический отбор predetermined отсталость России во всех сферах жизни на многие века и оказал отрицательное влияние на менталитет народа...

В этом месте монолога Юрий Петрович воздел свои десять пальцев-сарделек к потолку и с искренним возмущением воскликнул:

– Профессор, вы предлагаете мне выйти к моему великому и могучему избирателю и сказать ему в лобешник «Вы слабаки, дураки, идиоты и недоумки! Вы продукт селекции западных племён. Вы их отбросы. Вы ничего не умеете делать. Вы пьяницы, ворьё и бездельники!»

Юрий Петрович перевёл дух и уже спокойно продолжил:

– Марк Исаакович! Вы сейчас предложили мне самый дешёвый и эффективный способ самоубийства.

Господин Баден-Баденский испуганно хрюкнул, втянул свою седую голову в плечи и зажмурил глаза. Его обдало холодом холокоста.

«Боже, – подумал он, – Ну зачем я поднимаю эту старину. Всё равно во всём снова будут виноваты евреи. Это не нужно никому. Королевство кривых зеркал, построенное на квасном патриотизме, устраивает всех и, в первую очередь, народ, населяющий это королевство. Они уверены, что они самые умные, могучие и великие. Неважно, кто они на самом деле, важно, кем они себя ощущают...».

Проклиная себя, что согласился на встречу, Марк Исаакович, ни слова не отвечая на возмущения Юрия Петровича, суетливо начал запихивать свой трактат в потёртый портфель. Осознав свою несдержанность, Юрий Петрович примирительно мягко положил руку на ладонь профессора:

– Марк Исаакович! Простите меня великодушно. Ваш подход к теме так неожиданно оригинален, что от удивления я невольно не сдержался. Давайте, для снятия напряжения, и в знак примирения, примем по сто грамм и продолжим наш разговор.

Коньяк действительно благотворно повлиял и сблизил собеседников. Через полчаса их беседа вошла в своё русло конструктивизма:

– Взглянем на историю государства Российского до появ-

ления на наших просторах Рюрика с братьями и дружиною. Печальная, однако, картина. Другие народы изобретали порох, бумагу, осваивали мировой океан, вычисляли орбиты планет и занимались другими, не менее важными делами. Наши предки мозги себе подобными глупостями не занимали. Носились по лесам и полям, методично вырезали друг друга. Рюрик, между прочим, прошу заметить, не вятич какой-нибудь, а чистокровный скандинав, со своей дружиною прекратил кровавую вакханалию и начал закладывать основы государства, правопорядка. Рюриком был заложен институт иноземных царей, правителей России, пытавшихся просветить Русь, вовлечь её в общее для передовых народов поступательное движение по пути прогресса всей человеческой цивилизации. Но Россия забилась, противилась, она не хотела и не умела работать по-новому, не желала учиться и перенимать опыт. Самые великие реформаторы России Пётр и Екатерина не могли справиться со своим народом. Пьянство и воровство были и остаются бичом, нашей национальной бедой. Они были вынуждены при организации сколь-нибудь значительного дела, ставить во главе его чужеземца: немца, шведа, француза.

Марк Исаакович тяжело вздохнул, пригубил коньячку. Вкусно пососал дольку лимона и продолжил:

– Возьмите полное собрание «Советской энциклопедии». Все тома от А до Я. Уверяю Вас, она прошла полную, весьма действенную совковую, идеологическую выдержанную цен-

зуру. Проведите с ней простецкий опыт: вычеркните из её многотомного содержания всех исторических и партийных функционеров, иноземных учёных и изобретателей, открывателей земель и тайн мироздания с нерусскими фамилиями, с целью оценить вклад русских людей в развитие цивилизации, понять их историческое значение. Я проделал такой опыт. Школьная 12 страничная тетрадь оказалась заполнена далеко не полностью. Даже, если писать крупным почерком.

Юрий Петрович, ошарашенный речью Баден-Баденского, удручённо молчал. Вспомнил, как сам лично возглавлял постоянные компании, комиссии, месячники по борьбе с пьянством на производстве, в быту, по повышению культурного и образовательного уровня рабочей молодёжи, Которая наряду со старшим поколением самозабвенно тащило с фабрик, полей и заводов всё, что не было приколочено. Он понимал профессора и не прерывал его. Марк Исаакович с тяжёлым сердцем продолжал развенчивать миф о великом и могучем русском народе.

– Что такое революция? По большому счёту это смена топ-менеджеров в государстве. Народ, в смысле население, земля предприятия остаются. Для рабоче-крестьянской массы происходит перераспределение прибавочной стоимости. Теперь, Юрий Петрович, прошу Вашего внимания. Царская Россия являлась мировым экспортёром зерна и кормила хлебом всю Европу и сама, естественно не голодала.

С революцией старая система поощрения-принуждения

рухнула и в крестьянской России с её необъятными просторами пахотной земли, притом, что с фронтов Первой Мировой Войны вернулись миллионы крестьян, возник голодомор. Это в стране, кормившей хлебом всю Европу! Если Вы думаете, что у каждого пахотного поля стоял комиссар с маузером и не допускал трудоголиков крестьян к севу зерновых, то, наверное, причина не в этом. Механизм возникновения голода в другом. Крестьяне занялись, в отсутствие мер принуждения всем, чем угодно (грабежом, пьянством, мировой революцией), только не своим извечным трудом. Они не желали сеять и пахать. Скифская лень едва ли не погубила молодую страну советов. Большевики были вынуждены создать колхозы, в первую очередь, как необходимую меру принуждения крестьян к труду, чтобы спасти народ от полного вымирания. Великий и ужасный потрясатель России товарищ Джугашвили (заметить необходимо, не самый русский правитель) принял страну с сохой, а оставил с ракетно-ядерным щитом. Это красивые слова о красивом фасаде, за которым укрыты печальные факты. Свободный труд свободных рабочих и крестьян в новой России оказался низкопроизводительным и неэффективным. Себестоимость товаров высокая, рентабельность низкая. Качество товаров отвратительное. Дешевле было импортировать товары, но в казне финансы пели романсы. И ещё нужно было вооружаться для совершения мировой революции и помогать братьям интернационалистам разных стран. Выход из практически тупиковой

экономической ситуации был до гениальности прост и действенен – резко уменьшить затраты на производство и поднять производительность труда. Нужен был дармовой труд с жёстко регламентированным рабочим днём. Первые месяцы существования советской власти были ознаменованы открытием концентрационных лагерей для участников Кронштадского мятежа матросиков и участников крестьянского восстания в Тамбовской губернии. Это изобретение большевиков было задолго до гитлеровского Бухенвальда. Товарищ Ленин в этом вопросе оказался впереди планеты всей, и по праву может считаться отцом-основателем всемирно известного Архипелага ГУЛАГ. Появилась многомиллионная рабская сила. Был задействован безотказный механизм принуждения к труду. Одни, находясь в бесчисленных лагерях, вынуждены были работать. Другие, временно находящиеся на свободе, в колхозах и на заводах работали из за страха попасть в лагерь. Страна наконец-то заработала под жестоким насилием, выплёвывая вместе с кровью выбитые зубы и отбитые чахотные лёгкие. Нужен был технологический прорыв в дополнение к рабскому труду. Изобретать было некому и некогда. Техническая интеллигенция либо эмигрировала, либо насильно была выдворена из страны. Либо погибла первой в невыносимых лагерных условиях. Пришлось воровать открытия, изобретения. Повсюду из остатков недобитой технической интеллигенции в лагерях под руководством товарища Берия (ещё одного типично русского правителя)

были организованы «шарашкины конторы», в которых уво-
рованное доводилось до промышленных образцов ракет, са-
молётов, бомб и других привлекательных игрушек, опреде-
ливших будущее России...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.